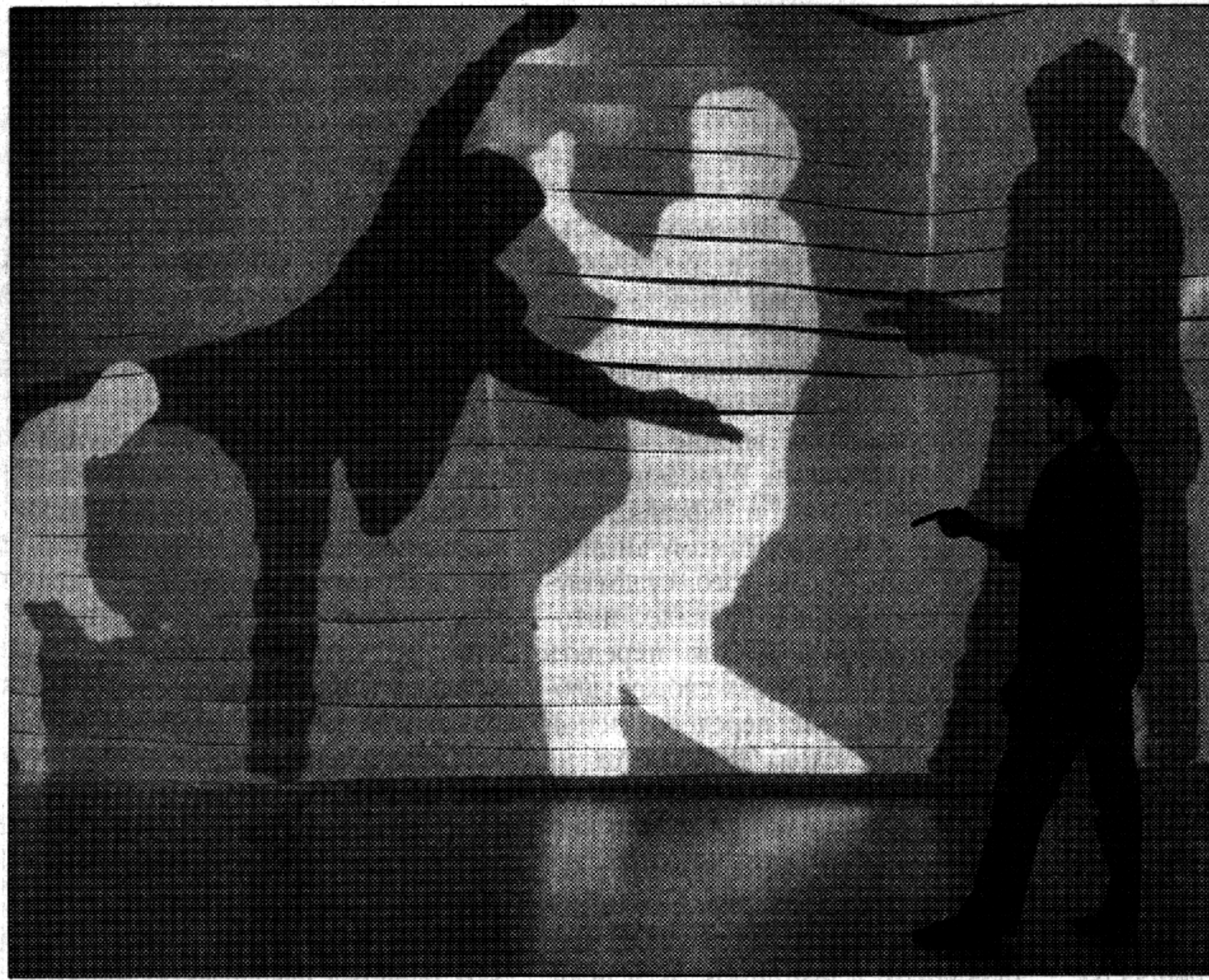

Антифоны по Платону

Мировая премьера новой русской оперы снова прошла за границей

THILO BEU / BEETHOVENFEST BONN

В опере Владимира Тарнопольского "По ту сторону тени" музыка увязана с танцем и проекцией

Ольга Пантелева / Для Ведомостей

БОНН – Написать мультимедийную оперу по заказу Бетховенского фестиваля выпало москвичу Владимиру Тарнопольскому – едва ли не самому востребованному за рубежом русскому композитору среднего поколения. В России его оперы пока не ставились, хотя разговоры об этом идут. А в Германии это уже второй оперный проект – после оперы "Когда время выходит из берегов", написанной в 1999 г. для Мюнхенской биеннале. Новое оперное произведение называется "По ту сторону тени".

В этом году Beethovenfest, проходящий в родном городе классика, выбрал своей главной темой Россию. В фокусе все русские контакты Бетховена – например, "Русские квартеты" opus 59, заказанные князем Разумовским. На фестивале играют много русской музыки – Шостаковича, Стравинского, Мусоргского, Губайдулину и Шнитке, гастролирует целая команда русских исполнителей: Михаил Плетнев с Российским национальным оркестром, пианист Аркадий Володось, скрипач Максим Венгеров и другие. В оперной афише фестиваля – концертное исполнение оперы Римского-Корсакова "Моцарт и Сальери". А одной из кульминаций русского сезона стала мировая премьера новой оперы Владимира Тарно-

польского *Jenseits der Schatten* ("По ту сторону тени"), написанной специально для Бонна.

Опера была представлена в рамках проекта *Bonn chance!* – долгосрочной программы (она действует почти 20 лет) поддержки экспериментального музыкального театра. В основу либретто поэта Ральфа Понтера Монау легли притча Платона о пещере и узниках, видящих только тени на стенах, и идея Плиния Старшего о происхождении живописи из тени. Правда, либретто многократно менялось, и в окончательный вариант попало больше текстов Леонардо, Данте и Ницше, чем современного автора.

Литературная основа не стояла для Тарнопольского во главе угла – он подбирал ее к своей акустической идее: посадить исполнителей по обе стороны от публики – на балконах зала, расположенного внутри боннского *Kunsthalle*. От литературности композитор вообще стремился максимально абстрагироваться, поэтому на сюжетные подпорки лучше не надеяться: спектакль развивается по музыкально-визуальным законам. Музыка, танец и интерактивные кунштюки со светом и тенью образуют слоистый *Gesamtkunstwerk*, повествующий о единстве противоположностей и неуловимых границах между ними.

Весь спектакль построен на оппозициях: черно-белая сцена, мужские голоса (трио узников) против женских (искусство), молодой узник и старый Платон (его разговорная роль напоминает Рассказчика в "Царе Эдипе"

Стравинского), наконец, левая и правая стороны зала, между которыми гуляет звук.

Владимиру Тарнопольскому достались идеальные исполнители – оперу играл эталонный ансамбль новой музыки *musikFabrik*, и разноцветная музыкальная ткань (как всегда у Тарнопольского, тщательно выделанная) была слышна до последней трели в недрах фактуры. Певцы (солисты, но явно не премьеры Боннской оперы) успешно справились с прихотливыми слоговыми комбинациями и артикуляционными фокусами. Дирижер Вольфганг Лишке четко свел солистов и ансамблевые антифоны.

На антифонах (переключках) ансамблей и стоит вся 70-минутная конструкция оперы, скрепленная повторениями. Взрывы звуковой энергии помещены там, где их меньше всего ожидаешь. Сам звуковой материал экономен, ведь композитор имеет в распоряжении мощное средство его развития – пространство. Возможно, игра звука и его тени – обертонов была использована слишком буквально: этот красивый прием давно стал достоянием студенческих композиций. Но здесь он хорошо влился в контекст.

Постановочная группа во главе с Робертом Векслером стремилась создать вынятный образ принципиально скупыми средствами. Приемов немного, но они хорошо работают: тени отделяются от актеров и начинают жить своей жизнью, по стене слоями стекают слова либретто, на полу вокруг актеров вдруг начинают роиться искрящиеся буквы. И вдруг, незаметно, эта игра обретает античный сюжет: компьютерная обработка видео превращает медленно льющийся эскалатор метро в Стикс, уносящий тени пассажиров.

Танцевала, заведовала тенями и оформляла сцену танцевальная группа *Palindrome Intermedia*, а главную роль – единственного из узников, нашедшего выход из пещеры, создал танцор группы Фрай Фауст. Гибкая и нервная хореография живет минимальными жестами: чуть заметный изгиб кисти, поворот шеи, мелькнувший взгляд – и вот уже статика черевата движением, а грань между покоем и смятением натянута до предела.

На зрителя наставлены орудия трех искусств сразу – и поток информации зашкаливает. Нельзя сказать, что каждая составляющая совершенна: певцы ужасно одеты, к тому же они не усвоили всех хореографических премудростей. Но все вместе функционирует как живой организм.

Боннская премьера Владимира Тарнопольского – проект красивый и совсем не радикальный. Он прекрасно подошел бы для того, чтобы подкорректировать угол зрения русской публики. Современную оперу она до сих пор видит словно изнутри Платоновой пещеры – как непонятный танец теней на стене.